

Уроки кризиса для мировой экономики

Александр Орлов

В статье “Глобальный кризис – шанс для ООН стать центральным звеном мировой экономики”¹ мною была выдвинута идея создания структуры управления глобальной экономической системой, центральным элементом которой мог бы стать Совет Экономической Безопасности (СЭБ) ООН. Материал был написан в конце ноября – начале декабря прошлого года, когда параметры разразившегося экономического кризиса еще не были в полной мере очевидны, хотя и тогда уже было ясно, что мир столкнулся с неординарным катаклизмом.

Последующие события только подтвердили мрачные прогнозы.

За коллапсом на мировых финансовых рынках и в банковской сфере произошло то, что должно было произойти по канонам классической политэкономии: значительно уменьшилось потребление и, соответственно, сократились расходы на него, резко упало производство, усилилась безработица и начался процесс банкротств. Рухнул рынок акций – витрина современной виртуализированной экономики, в рамках которой, как уверяли теоретики либеральной экономической мысли, кризис не возможен по определению.

Время подведения первых итогов

После начала кризиса прошел год. Время подвести первые итоги.

Приходится констатировать, что столь масштабный мировой кризис оказался полной неожиданностью как для ключевых экономических держав

(о более мелких странах я уж не говорю), так и для “капитанов” мирового частного бизнеса и обслуживающих их интересы аналитических структур. Отдельные ученые, высказывавшие алармистские мысли, не в счет: их все равно

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – кандидат исторических наук, профессор МГИМО(У).

Ключевые слова: мировой экономический кризис, системный кризис нового поколения, реальная экономика, виртуализированная экономика, либеральная рыночная модель, новая архитектура мировой экономики, Совет Экономической Безопасности ООН.

никто не слушал и всерьез не воспринимал. И власти ведущих государств, и близкие к ним аналитики-экономисты рассчитывали, что дело, даже в худшем случае, сведется к кратковременному замедлению темпов роста, не опасному для общего состояния экономики. Оказалось, что вызревавшие (причем в течение длительного времени) в организме мировой экономики негативные процессы либо просто остались незамеченными, что само по себе выглядит невероятным, либо недооцененными, что, видимо, более правдоподобно, но не менее печально.

Тем не менее, глобальный кризис стал объективной реальностью, некоей данностью, уже не подлежащей изменению и исправлению. Страховочные узлы мировой экономической системы не просто дали сбой, они не сработали, что заставляет поставить вопрос о том: а были ли они вообще? Как не без иронии сообщалось в печати, на Западе, особенно в “Старой Европе”, бестселлером внезапно стал “Капитал” Карла Маркса, о котором апологеты либеральной экономики вспоминали только тогда, когда нужно было блеснуть эрудицией. Однако именно Маркс еще полтора столетия назад доказывал, что кризисы при капитализме становятся не просто возможными, но неизбежными.

В интересном исследовании группы ученых под руководством директора Центра глобальных проблем Института международных исследований МГИМО(У) проф. В.М.Сергеева “Прологомены к антропологии кризиса нашего времени” делается попытка, в частности, сравнить нынешний кризис с Великой депрессией 1929–1933 гг.

Авторы отмечают, что “глубокие экономические кризисы, разрушая социальную ткань общества, имеют тенденцию трансформироваться в кризисы политические”. В этой связи отмечается, что “мировой экономический

кризис 1929 г. обернулся очень серьезными политическими последствиями – наступлением фашизма и авторитаризма в Европе, острым конфликтом внутри европейского рабочего движения и, наконец, Второй мировой войной”. Продолжая развивать эту мысль, авторы утверждают, что глубочайшие кризисы, которые они называют “антропологическими” были в истории человечества не единожды и приводили к радикальным изменениям представлений о природе человека и его взаимоотношений с обществом и природой”.

Не вступая в полемику с авторами по терминам, подчеркну, что мне больше нравится применительно к описываемым социально-экономическим коллапсам определение “системный кризис” или кризис системы, что в принципе одно и то же.

Является ли нынешний кризис в полной мере системным или до какой степени он системный?

Это очень важный вопрос, на который пока не дано вразумительного ответа. Более того, создается впечатление, что никто такой ответ давать и не собирается. По мере анонсирования появления в экономике США, откуда и пошел кризис, а также ряда ведущих западноевропейских стран и Японии реальных или мнимых симптомов “выздоровления” желание копаться в глубинных, а не поверхностных причинах кризиса явно уменьшается. Соответственно, все более очевидным становится намерение ограничиться принятием косметических антикризисных мер, в целом не затрагивающих основу современных экономических отношений и институты, их обслуживающие.

Следует признать, что **не прошли проверку мировым кризисом устоявшиеся догмы о либерально-рыночной экономике**, как о менее всего подверженной коррупции и наиболее эффективной системе.

Вспомним расхожие суждения о том, что рыночная экономика более мобильна, менее бюрократична, более инновационна, менее затратна (“хозяин за всем следит, не дает воровать”) и т.п., чем, скажем, экономика, регулируемая государством или его структурами. Из этого следовал аксиоматичный вывод, что в условиях рыночной экономики выше производительность труда.

Кризис приоткрыл завесу над тем, как все обстояло в либеральной рыночной экономике на самом деле (предположу, что обществу стала известна лишь малая толика реальной правды, но и этого достаточно, чтобы волосы на голове зашевелились).

То, что крупными частными компаниями и банками в большинстве случаев руководят наемные управленцы (величаемые топ-менеджерами, или просто “топами”) известно давно. Но то, до какой степени эти “топы” бесконтрольны, фактически заменив собой так называемых “хозяев”, видимо, стало сюрпризом для многих. Во всяком случае многомиллионные бонусы (или, проще говоря, премиальные), которые “топы” выписывали сами себе за нечеловеческий по своему напряжению и умопомрачительный по интеллектуальному наполнению труд на благо компании (или банка), думаю, не могли не впечатлить даже заядлых романтиков либеральной экономической мысли. Бонусы “топов” – это, конечно, лишь одна из черт, причем далеко не самая главная, нынешнего всемирного кризиса, но черта символическая, сильно бьющая по “светлому образу” либеральной рыночной модели.

Если “частник” не просто не контролирует по тем или иным причинам свое предприятие (“предприятие” – в самом широком смысле этого понятия), но не в состоянии этого делать в

принципе в силу непомерности задачи, то, как мне представляется, становится абсолютно бессмысленным базовый постулат либеральной теории об абсолютной предпочтительности частной инициативы в экономике.

Не стану отрицать, что на определенном уровне и в определенных рамках частная инициатива действительно может быть эффективнее иных форм организации экономической деятельности. Однако выскажу предположение, что **эффективность частной инициативы имеет определенные границы, оптимальную сферу ее реализации.** И такой границей является возможность контроля и реального управления хозяином своим бизнесом. Иначе теряется всякий смысл частной инициативы и речь, видимо, идет о каком-то ином явлении.

В этой связи возникает один попутный, но существенный вопрос, на который тоже нужно дать ответ: если хозяин (хозяин в данном случае понятие собирательное, им может быть и коллектив акционеров) не в состоянии контролировать “топов”, то есть наемных управленцев, то кто это должен делать?

Нынешний кризис рельефно продемонстрировал, что если этим не заниматься, то обвалить экономику в принципе ничего не стоит.

Много сегодня говорится и пишется также о том, что нынешний кризис имеет не только экономическую, но и морально-нравственную сторону. С этим трудно не согласиться. Человечество в XXI в. должно по-новому осознать вечные ценности справедливости, солидарности, морали, оказавшиеся забытыми частью общества в процессе превращения ее представителей в неких бизнес-киборгов, утративших долю (иногда значительную) человеческой сущности.

Кризис переходит в следующую фазу цикла?

Хотя перспективы выхода из кризиса по-прежнему остаются размытыми, в массовом сознании, в частности в России, наступило некое успокоение: общество адаптировалось к кризису, воспринимает его в менее драматичных тонах, чем это было еще полгода назад, и в целом научилось выживать в новых условиях.

Объяснение этому феномену достаточно простое: кризис затронул основную часть общества, связанную с реальной, а не виртуализированной экономикой ценных бумаг, как бы по касательной.

Речь идет о значительном большинстве людей, в основном живущем от зарплаты/пенсии до следующей зарплаты/пенсии. Они, как правило, не имеют крупных денежных накоплений, не говоря уже об акциях и прочих ценных бумагах, продельвающих замысловатые ценностные кульбиты на биржах, обладают определенным набором необходимых для жизни атрибутов, включая, прежде всего, полученную еще в советское время бесплатно, а затем приватизированную, жилплощадь, и не обременены обязательствами перед банками или иными финансово-кредитными учреждениями.

Естественно, этой категории граждан пришлось несколько ограничить свои расходы, но не настолько, чтобы последствия этого шага имели драматические последствия. При этом благополучие этой части общества напрямую зависит от состояния именно реальной экономики – экономики, венцом которой является конкретный материальный продукт, а не “мыльные финансовые пузыри”, надуваемые ее виртуализированным визави.

Кризис наглядно показал отсутствие в современной рыночной экономике диалектической целостности, ее очевид-

ную фрагментацию на реальный и виртуализированный компоненты. Причем, что характерно, виртуализированная экономика, призванная обеспечивать эффективное функционирование реальной экономики, быть ее, своего рода, приводным ремнем, встала над экономикой реальной, втянув ее вслед за собой в глубокий кризис.

Но какая составляющая экономики вытянет всю систему из пучины кризиса на поверхность? Неужели виртуализированная – экономика акций и других ценных бумаг? Нелепость такого предположения самоочевидна.

Только реальная экономика, дыхание которой постепенно будет становиться ровнее и глубже. И здесь важно, чтобы “рыба-прилипала” в виде виртуализированного компонента опять не села на голову реальному делу. А такие симптомы уже налицо.

Опять состояние рынков акций и других ценных бумаг, которые на момент написания данной статьи демонстрируют известную позитивную динамику, перекрывает все прочие новости из экономического сектора. Игра в “русскую биржевую рулетку” возобновляется с новой силой. Циферки растущих индексов снова застыт глаза так называемым аналитикам и, к сожалению, опять туманят им мозги. А это уже в определенной степени медицинский синдром, сродни увлечению игровыми автоматами.

Задача поиска путей выхода из кризиса побудила ведущие страны мира, в том числе – не в последнюю очередь – США, запустить на полную мощность государственный ресурс для стабилизации, прежде всего, национальных экономик. То, что многим либеральным экономистам еще совсем недавно казалось просто немислимым, свершилось. Государство провело санацию банков-

ской системы (без государственной помощи “на плаву” удержались считанные крупные частные финансовые учреждения), пошло на фактическую национализацию ряда системообразующих компаний в основных сферах хозяйства, наполнило экономику, пусть с риском последующего роста инфляции, ликвидностью.

До полного преодоления кризиса – еще путь неблизкий, возможны его “новые волны”, но, во всяком случае, ясна стратегия действий и уже проясняются контуры будущего экономического восстановления.

Выше мы говорили о соотношении реальной и виртуализированной экономики, пытались понять, какой из компонентов играет главную, а какой вспомогательную роль. Теперь сделаем следующий шаг в наших размышлениях.

Могла ли сама рыночная экономика без участия государства – причем участия с правом решающего голоса – выйти из нынешнего кризиса. Ответ напрашивается сам собой – нет. Хотя,

может быть, и смогла бы, но опустившись до такого дна, откуда путь наверх занял бы десятилетия, затронув несколько поколений людей.

Для цивилизации цена такого эксперимента была бы катастрофически высокой. Поэтому, отвечая на вопрос о том, с каким кризисом всем нам пришлось столкнуться в самом конце первого десятилетия XXI в., смело можно утверждать – самым настоящим системным кризисом нового поколения, преодоление которого требует системных решений.

Сама окружающая нас действительность подводит не отдельные страны, а все мировое сообщество, обреченное, чем дальше, тем больше, жить в условиях все более интегрированной, постепенно приобретающей общепланетарные черты экономической системы, к необходимости кардинального переосмысления основ устройства существующей системы экономических отношений и создания адекватного механизма ее мониторинга и регулирования.

Эскиз новой архитектуры мировой экономики

Решительные прорывы в совершенствовании мироустройства, как правило, являлись результатами гигантских катаклизмов.

Победа над Наполеоном привела к созданию Венской системы международных отношений, по итогам Первой мировой войны появилась Лига Наций, Вторая мировая война породила Организацию Объединенных Наций.

Позитивным фактором современного глобального экономического кризиса должно было бы стать возникновение новой системы регулирования мировой экономики, способной избавить человечество от повторения в будущем знаковых катаклизмов и обеспечивающей рациональное, гармоничное, недеструктивное для природы планеты,

справедливое для людей, ее населяющих, развитие мировой экономики.

Необходимость создания такой системы диктуется также тем, что в предстоящие десятилетия человечество столкнется с целым рядом глобальных вызовов, решать которые придется не отдельно взятым государствам, пусть даже великим, или группам государств, а всему миру.

Речь, прежде всего, идет об изменении климата планеты и сопряженных с этим таких явлениях, как повышение уровня мирового океана и затопление гигантских площадей суши в густонаселенных и экономически развитых регионах мира, наступление пустынь, существенное сокращение зон традиционного земледелия и увеличение числа

людей, реально страдающих от голода, уменьшение резервов пресной воды; сокращение запасов углеводородного сырья и значительное усложнение его добычи и доставки.

Список неизбежных, реальных, возможных и гипотетических рисков и угроз можно продолжать, причем он, к сожалению, не будет коротким. Все это, помимо социально-политической напряженности и усиления межгосударственной военной конфронтации, скорее всего, приведет к замедлению темпов роста мировой экономики.

Прорывы в сфере научно-технического прогресса смогут купировать негативные проявления лишь частично. Во всяком случае в среднесрочной перспективе.

Поэтому исключительно важно, чтобы объективные сложности и проблемы, перед лицом которых стоит человечество, не наложились на кризисные явления в мировой экономике, связанные, подобно нынешнему кризису, с чрезмерным и неоправданным упованием на безмерные возможности рыночной экономики, которая, как выяснилось, совсем не идеальна.

Выходы из накрывшего мир экономического кризиса, что вполне очевидно, следует искать как на национальном, так и на международном уровнях.

Конкретные рецепты, как при любом лечении, зависят от состояния определенного больного. При этом, главный вывод и, соответственно, общий характер терапии вполне очевидны: современная экономика нуждается в постоянном мониторинге и регулировании со стороны государства (на международном уровне – государств).

Для успешного решения этой задачи необходимо создать новую современную архитектуру партнерства между государством и обществом и государством и экономикой. В соответствии с фундаментальным постулатом

либеральной модели государство является “ночным сторожем”, минимально вмешивающимся в дела социума и тем более в рыночную экономику. В нынешних условиях такое понимание – это атрибут прошлого.

Современный мир усложнился настолько, что государство, как форма организации общества, просто не может оставаться в стороне от экономики, которая должна развиваться максимально стабильно, поступательно, без серьезных сбоев. Иного престо не дано. Тем более, что без вмешательства государства, которое деньгами налогоплательщиков (читай общества) вынуждено сегодня расплачиваться за ошибки, прежде всего, частного бизнеса и нанятых им “топов”, выход из кризиса просто невозможен. Сама жизнь все расставляет по своим местам.

Предметом настоящей статьи являются размышления о возможном механизме регулирования мировой экономики. В этой связи вопрос о месте государства в экономических отношениях на страновом уровне затрагивается лишь в общем плане.

Итак, как могла бы выглядеть система мониторинга и регулирования мировой экономики.

Ключевой структурой мне видится Совет Экономической Безопасности (СЭБ) ООН, основу которого в качестве его постоянных членов могли бы составить государства большой экономической “двадцатки”, стихийно возникшей с целью поиска путей согласованного противодействия кризису, либо расширенная Г-8 с подключением ряда ключевых игроков мировой экономики.

Дополнительно в СЭБ могли бы входить непостоянные члены на выборной основе.

Кстати, членство в СЭБ могло бы в какой-то мере компенсировать для та-

ких стран, как Германия, Япония, Индия, Бразилия то, что пока не удается договориться об увеличении состава постоянных членов Совета Безопасности ООН, чего упомянутые государства давно добиваются.

СЭБ обеспечивал бы поддержание стабильности мировой экономической системы, был бы наделен полномочиями принимать оперативные, обязательные для исполнения другими экономическими органами и государствами членами решения в случае возникновения кризисных ситуаций или появления признаков таких ситуаций. Решение об образовании СЭБ, его составе, функциях и принципах работы можно было бы прописать в отдельной Главе Устава ООН, что не потребовало бы кардинального “вскрытия” этого документа.

Направляется создание в системе ООН отдельной структуры, которая бы предметно занималась мониторингом мировой экономики, следила за состоянием мировых фондовых рынков, отслеживала основные инвестиционные потоки, дабы исключить возможности дестабилизации рынков, и готовила рекомендации и предложения для СЭБ.

Одновременно такой институт мог бы вырабатывать экономически обоснованные ориентиры ценообразования на согласованный перечень имеющих стратегическое значение для состояния мировой экономики товаров и услуг.

Вопрос ценообразования объективно является одним из центральных в контексте нынешнего мирового экономического кризиса.

По канонам рыночной экономики, спрос определяет предложение и, соот-

ветственно, цену. Но это – в идеале, который больше выглядит несбыточной мечтой, чем реальностью. На деле же цена зачастую является предметом фактического сговора монополистов, который может реализовываться в самых разных формах, даже без необходимости проведения тайных собраний заинтересованных лиц/корпораций в укромных местах, в результате чего зарождается цепочка взаимосвязанных последствий, приводящая к возникновению непреодолимых диспропорций – подлинному бичу капиталистической экономики.

И, конечно, назрела необходимость учреждения единой мировой валюты, не привязанной к какой-то конкретно стране или группе стран. В этом случае доллар (который более полувека выполнял подобные функции), евро, иена, юань, рубль могли бы быть региональными резервными валютами, составляющими с мировой валютой единую валютную цепочку.

Подобная идея, как известно, активно обсуждалась в начале этого года на различных форумах, но не получила развития, прежде всего, из-за весьма прохладного отношения к ней США, которым совершенно не хочется лишиться своего фактического статуса мирового центрбанка.

Предложенная система, естественно, является лишь одним из возможных вариантов реформирования мировой экономики. Главным критерием и требованием реформы видится создание коллективно контролируемого и управляемого механизма мирового хозяйства, не допускающего перекосов и дисбалансов, способных нарушить целостность всей системы.

Совершенно ясно, что недостаточно решительные шаги сегодня, промедление с принятием крупных, судьбоносных решений может обернуться еще более масштабным, абсолютно катастрофическим кризисом в будущем.

Тем не менее, как уже вполне очевидно, ожидать принятия на международном уровне кардинальных решений в рамках нынешнего глобального кризиса не приходится. Ведущие страны мира исходят из того, что кризис как будто постепенно идет на убыль, а что будет потом – это удел новой генерации политиков и экономистов, которым и придется расхлебывать сегодняшние нерешительность, нежелание что-то серьезно менять, отсутствие политической воли глубоко вникнуть в суть современной экономики и постараться совместно, на сугубо прагматичной основе, наметить возможные пути обеспечения ее стабильного и поступательного развития.

Однако упущенное сегодня время все равно придется наверстывать завтра, но уже в гораздо более сложных условиях.

Примечания

¹ Обозреватель–Observer. 2009. № 1.

² Прологомены к антропологии кризиса нашего времени / Под ред. В.М.Сергеева. М.: Редакция газеты “Россия”, 2009. С. 15.

**Подписка на 2010 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**